

"Аполлон", No 3, 1909

OCR Бычков М. Н.

Прописная мораль учить, что порядочныя женщины должны держать себя такъ, чтобы о нихъ ничего "нельзя было сказать". Трюизмъ этотъ болѣе удачно можно примѣнить къ произведеніямъ искусства. Что касается живописи -- это безспорно. То, что есть истинно живописнаго въ картинѣ -- не поддается никакимъ словамъ и опредѣленіямъ. Говорить и писать о картинахъ можно лишь постольку, поскольку въ нихъ присутствуютъ литературные элементы. То, что картину можно рассказать словами, это еще не осужденіе ей, но -- доказательство, что въ ней присутствуютъ посторонніе чистой живописи замыслы и эффекты. Я думаю, что то же можно сказать и о произведеніяхъ чистой поэзіи. О нихъ тоже можно говорить, лишь поскольку въ нихъ есть "литература". Съ настоящей книгой хочется уединиться въ молчаніи, и въ крайнемъ случаѣ, для того, чтобы убѣдить въ ея цѣнности, прочесть нѣсколько страницъ вслухъ. Подлинная поэзія, какъ и подлинная живопись, какъ и подлинная женственная прелесть, не доступны словамъ и опредѣленіямъ, потому, что они сами по себѣ уже являются окончательными опредѣленіями сложныхъ системъ чувствъ и состояній.

Поэтому о "Сорочьихъ сказкахъ" Алексѣя Толстого не хочется -- трудно говорить. Н это самая большая похвала, которую можно сдѣлать книгѣ. Она такъ непосредственна, такъ подлинна, что ее не хочется пересказывать -- ее хочется процитировать всю съ начала и до конца. Эта одна изъ тѣхъ книгъ, которыя будутъ много читаться, но о нихъ не будутъ говорить.

Послѣдніе годы дали русской литературѣ прекрасныхъ сказочниковъ. Мы имѣли сказки Сологуба, сказки Ремизова, теперь сказки Толстого. Трудно отдать предпочтеніе какой нибудь изъ этихъ книгъ передъ другими. Внѣшнія примѣты стиля и языка въ нихъ схожи и свидѣтельствуютъ о единой литературной эпохѣ, но внутренніе родники творчества глубоко различны.

Сказки Сологуба -- это хитрыя и умныя притчи, облеченныя въ простыя и ясныя формы великолѣпнаго языка. Ихъ стиль четокъ и ароматенъ, ихъ линіи не сложны, но въ глубинѣ ихъ замысловъ кроется вся сложность ироніи, нѣжность души переплетена въ нихъ съ жестокостью, и въ каждой строкѣ разставлены западни и волчьи ямы для читателя. Это сказки не для дѣтей. Но взрослый, вступившій въ ихъ міръ, начинаетъ себя чувствовать ребенкомъ, запутавшимся въ сложныхъ сѣтяхъ души ихъ автора. Сказки Сологуба -- какъ бы историческій мостъ между современнымъ пониманіемъ сказки и сказками Щедрина.

Сказки Ремизова еще больше отмѣчены личностью автора. Родникъ ихъ фантастики -- это игра въ игрушки, это игра опредѣленными вещами: зайцами, котами, медвѣдями -- деревянными или изъ папье-маше, которые стоятъ на письменномъ столѣ Ремизова. Отъ грубой, безобразной и тошной жизни, которая такъ не гармонично и жестоко разверзается въ его реальныхъ, бытовыхъ и автобіографическихъ романахъ и рассказахъ, онъ запирается въ своей комнатѣ, уставленной дѣтскими игрушками, и вноситъ въ свои игры всю любовь, всю грусть и обиду своей души, и облакаетъ ее во всѣ драгоцѣнности рѣдкихъ словъ и во всѣ свои громадныя знанія фольклора. Изъ этого создается міръ и уютной, и безпокойной, и жуткой комнатной фантастики. Его звѣри и чудовища тѣмъ занятнѣе и страшнѣе, что въ нихъ всегда чувствуется мистическая плоть (хотя созданы они изъ папье-маше), а природа у Ремизова является въ тѣхъ сгущенныхъ и черезчуръ яркихъ краскахъ, какія она пріобрѣтаетъ, когда думаешь объ ней, сидя въ комнатѣ.

Въ сказкахъ Алексѣя Толстого нѣтъ ни умной ироніи Сологуба, ни сиротливой, украшенной самоцвѣтными камнями, грусти Ремизова. Ихъ отличительная черта -- непосредственность, веселая безсознательность, полная иррациональность всѣхъ событій. Любая будетъ понятна ребенку и заморозитъ взрослого. Н это потому, что онѣ написаны не отъ ущерба человѣческой души, а отъ избытка ея. Дѣйствуютъ въ нихъ и звѣри, и мужики, и вещи, и дѣти, и стихійные духи -- и всѣ на равныхъ правахъ, и всѣ проникнуты старой, глубокой, врожденной земляной культурой. Въ нихъ пахнетъ полевымъ вѣтромъ и сырой землей, и звѣри говорятъ на своихъ языкахъ, все въ нихъ весело, нелѣпо и сильно; какъ въ настоящей звѣриной игрѣ, все проникнуто здоровымъ звѣринымъ юморомъ.

Онъ умѣетъ такъ рассказать про кота, про сову, про пѣтуха, что нехитрый рассказъ въ нѣсколько строкъ можетъ захватить и заставить смѣяться, а для этого нуженъ очень здоровый, а главное подлинный талантъ.

Безусловная подлинность составляетъ главную прелесть "Сорочьихъ сказокъ".

Максимиліанъ Волошинъ.